

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

BRITISH MUSEUM

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА.

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

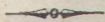
И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ IV.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценс-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербуръ
Марта 25 дня 1840 года.

Цензоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На моторошни засердчыть;
И заразь тягломъ закъшыкуешъ,
И въ буркоти закенъдюшыть.
Колыжъ що напхомъ зъязыкаешъ,
И въ теребъ добре жывотаешъ,
То на весели занутрыть;
Объ лыхо вдаромъ заземлюешъ,
И ввесь забудъ свй зголодуешъ,
И бигъ до горя зачортыть.

Та що абыщоты верзяломъ,
Не казку кормомъ соловьятъ:
Ось ну закалыткуй брязкаломъ,
То радости заденежать.
Колы давало спыятакуешъ,
То може чуло зновынуешъ,
Якъ що съ тобою спередытъ:
Куды на плавахъ човноваты,
Якъ угодыли Юнонаты
И якъ Эней заминервытъ.

Мене за сю не лайте мову,
Не я ти скомпоновавъ;
Сывыглу лайте безтолкову,
Ти се мизокъ змусовавъ:
Се такъ вона коверзовала,
Энееви пророковала,
Йому де поступатысь якъ;
Хотила мизокъ закрутыты,
Щобъ грошей билше улупыты,
Хоть бидный бувъ Эней и такъ.

Та треба зъ лыха догадаться,
Якъ прыйде узломъ до чогось;
А зъ видьмою не торговаться,
Щобъ хлыпаты не довелось.
Подяковавъ старую суку
Эней за добрую науку,
Шагивъ зъ дванадцять въ руку давъ.
Сывыла грошыкы въ калытку,
Пиднявши пелену и свѣтку,
Изслызла, мовъ лыхый злыгавъ.

Эней избувши сучу бабу,
Якъ мога швыдче на човны,
Щобъ не дала Юнона швабу,
Що опынѣвся бѣ въ сатаны.
Троянцы въ човны посадавши,
И швыдко ихъ поодныхавшы,
По витру гарно поплылы;
Греблы зъ дѣвола вси дружно,
Що де якымъ ажъ стало душно,
По хвыли веселця гулы.

Пльвуть — ажъ витры забурчалы,
И закрутылы не шутя,
Завылы ризно, засвыстали,
Нема Энсєви пуття!
И зачало човны бурхаты,
То сторчъ, то на бикъ колыхаты,
Що врагъ устоить на ногахъ;
Троянцы зъ ляку задрыжалы,
Якъ лыху помогты, — не зналы;
Игралы тилько на зубахъ.

Якъ-ось ставъ витерь уцухаты,
И хвыли трохи уляглысь;
Ставъ мисяць зъ хмары выглядаты,
И звизды на неби блысь-блысь!
Агу! Троянцямъ легче стало
И тяжке горе зъ серця спало,
Уже бо думалы пропасть.
Зъ людьмы на свити такъ буває:
Колы кого михъ налякає,
То посми торба спать не дасть.

Уже Тройницы вгамовались,
Могорычу вси потяглы;
И мовъменькы повывертались,
Безпечно спаты заляглы;
Ажъ-ось поромцыкъ ихъ проноза
На землю впавъ, якъ михъ изъ воза
И мовъ на пунъ репетовавъ:
«Пропалы вси мы зъ головами,
«Прощаймось съ тиломъ и душами,
«Остатній нашъ народъ пропавъ.

«Заклятый остривъ передъ нами,
«И мы його не мынемо,
«Не проплывемъ ничде човнами,
«А на йому пропадемо;
«Жыве на острови царыця
«Цырцея, люта чаривныця
«И дуже злая до людей;
«Якимышъ не остережуются,
«А йй на остривъ попадутся,
«Тыхъ переверне на звирей.

«Не будешъ тутъ ходыть на пари,
«А пидешъ заразъ чотырѣмъ;
«Пропалы! якъ сирко въ базари.
«Готовте шныи до ярма!
«По нашому хохлацьку строю,
«Не будешъ цапомъ, ни козою,
«А вже запевне що воломъ:
«И будешъ въ плузи похожаты,
«До броваря дрова таскаты,
«А може пиденгъ бовкуномъ.

«Ляхъ цвенькаты уже не буде,
«Загубыть чуйку и жупанъ,
«И не позволямъ тамъ забуде,
«А заблесе такъ, якъ баранъ.
«Москаль, бо-дай бы не козою
«Замекекекавъ зъ бородою;
«А Прусь хвостомъ не завылявъ,
«Якъ, знаешъ, лысь хвостомъ выляе,
«Якъ дуже дойда налягае
«И якъ чухрай угонку давъ.

«Цесарци ходять журавлямы,
«Цырцей служат за гусарь
«И въ острови тимъ сторожамы.
«Италіянець же маляръ
«Исквапнійшый на всяки штуки,
«Спивакъ, танцюра на вси руки,
«Уміе и чыживъ ловыть;
«Сей переряжень въ обезяну,
«Ошыйныкъ носыть изъ сапьяну
«И осужденъ людей смишыть.

«Французы жъ давніе сипаки,
«Головоризы — ризныки,
«Си перевернути въ собаки,
«Чужи щобъ грызлы маслаки.
«Воны и на Владыку лають,
«За горло всякого хватають,
«Грызутся и про мижъ себе:
«У ныхъ хто хытрый, то и старшій
«И знай всимъ намынае парши,
«Чупрыну всякому скубе.

«Повзуть Швейцарци червякамы,
«Голманци квакають въ багни,
«Чухонци лазять муравьямы,
«Пизнаешъ жыда тамъ въ свѣни.
«Индыкомъ ходять тамъ Гышпанецъ,
«Кротомъ же лазять Португалець,
«Эвиркуе Шведынъ вовкомъ тамъ,
«Датчаньнъ добре жеребцое,
«Ведмедемъ Турчынъ тамъ танцое;
«Побачыте, що буде намъ.»

Биду побачывъ немьнуучу
Троянцы вси и панъ Эней,
Зибрались въ одну вси кучу,
Подумать о биди своей,
И мытью тутъ уговорылись,
Щобъ вси хрыстылись и моылись,
Щобъ тилько остривъ имъ мынуть.
Молебень же втялы Эолу,
Щобъ витрамъ по його изволу
Въ другый бикъ повеливъ дмухнуть.

Эолъ молебнемъ вдовольнѣлся
И витривъ заразъ одвернувъ,
Троянскій плавъ переминовъ,
Эней быть звиремъ увѣдывъ.
Ватага вся повеселила,
Горилка съ пляшокъ булькотила,
Ни хто ни капли не проливъ;
Потимъ взялись за веселья
И прыгребнули вси одъ сердца,
Мовъ бы Эней по почти плывъ.

Эней по човну похожая,
Роменьскій тютюнець курывъ;
На вси чотыри розглядая,
Кольибъ чого не пропустивъ.
«Хвалите, крикнувъ, братця, Бога!
«Гребите дужче яко-мога,
«Отъ Тыбръ передъ носомъ у насъ;
«Ся ричка Зевсомъ обещана,
«И зъ берегами намъ отдана.
«Гребы! — отъ закрычу шабась!»

Гребнули разъ, два, тры, чотыри,
Якъ на! — у берега човны;
Трояныци наши чупрындыри
На землю скиць, — якъ тамъ булы!
И заразъ стали розкладатись,
Копаты, строить, ташоватись,
Мовъ имъ пидъ лагерь судъ одвигъ.
Эней крычыть:» моя тутъ воля
«И килько окомъ скинешь поля,
«Скризь - геть настрою городивъ.»

Земелька ся була Латыньска,
Завзятый царь въ ній бувъ Латынь;
Старый скупындя — скурвасыньска,
Дрыжавъ, якъ Каинъ, за алтынъ.
А также вси його пидданци,
Носымы латани галанци,
Дывывшысь на свого царя;
На гроши тамъ не козырялы,
А въ *китькы* крашанкамы гралы.
Не визьмешъ даромъ сухаря.

Латынь сей хоть не дуже близько,
А все Олимпськымъ бувъ ридня,
Не кланявся нікому нізько,
Для його все була брідня.
Мерька, кажуть, його маты,
До Фавна стала учацаты
Та и Латына добула.
Латынь дочку мавъ чепуруху,
Проворну, гарну и моргуху.
Одна у нього и була.

Дочка була зальотна птыця
И зъ заду, зъ переду, кругомъ;
Червона, свижа якъ кыслыця,
И все ходыла павычкомъ.
Дородна, росла и красыва,
Прыступна, добра, не спесыва,
Гнучка, юрлыва, молода;
Хоть хто на неи не нарокомъ,
Закыне молодецькымъ окомъ,
То такъ ѣи и вподоба.

Така дивча — кусочокъ ласый,
Засмынешся якъ глинешъ разъ;
Що ваши Гречеськи ковбасы!
Що вашъ первакъ грушевий квасъ!
Завийныця одъ неи вхопыть,
На голову насяде хлопигъ;
А може тьохне и не такъ.
Поставыть рогомъ ясни очи,
Що не доспышь петривської ночи;
Те по соби я знаю самъ.

Сусидни хлопци женихалысь,
На гарну дивчыну таку,
И сватать де — яки пытались,
Яки хотилы, щобъ смаку
Въ Латыновій дочки добыться,
Царя прыданымъ поживыться,
Геть, геть — и царство за чубъ взять.
Но ненечка ти Амата,
Въ души свой була строкота,
Не всякій ий любився зять.

Одынъ бувъ Турнъ царьокъ нешпетный,
Зъ Латыномъ у сусидствѣ живъ,
Дочци и матери прыкметный,
И батько дуже зъ нымъ дружывъ,
Не въ шутку молодець бувъ жвавый,
Товстый, высокый, кучерявый,
Обточеный якъ огирокъ;
И вѣйська маръ свого чимало,
И грошекивъ такы бряжчало,
Куда не кынь, бувъ Турнъ царьокъ.

Панъ Турнъ щось дуже пидсынався
Царя Латына до дочкы,
Якъ зъ нею бувъ, то выправлявся
И пиднимавсь на каблучкы.
Латынь, дочка, стара Амата,
Що день видъ Турна ждалы свата,
Уже напылы рушныкивъ,
И всякихъ всячынъ напрыдбалы,
Яки на сватанни давалы,
Все сподивалысь старостивъ.

Колы чого въ рукахъ не маешь,
То не хвались, що твое;
Що буде, ты того не знаешь,
Утратишь може и свое.
Не розглядившы, кажуть, броду,
Не лизь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмишывъ людей.
И перше въ волокъ подивыся,
Тогди и рыбою хвались;
Бо будешъ йомопъ, дуралей.

Якъ пахло сватаннямъ въ Латына
И ждалы тилько четверга,
Ажъ тутъ Анхизова дытына
Прыпленталась на берега
Зо всимъ своимъ Трояньскымъ племямъ.
Эней не марно тратывъ время,
По молодецьку закурывъ:
Горилку, пиво, медъ и брагу,
Поставившы передъ ватагу,
Для збору въ трубы засурмывъ.

Троянство, знаешъ, все голодне
Сыпнуло рысью на той клыкъ;
Якъ галычъ въ время непогодне,
Вси пиднялы великый крыкъ.
Сывушкы заразъ ковтонулы
По кившыку, и не здрыгнулы,
И докосылысь до потравъ.
Все вѣйсько добре убирало,
Ажъ по заухамы лящало,
Одынъ передъ другимъ хватавъ.

Вбыралы сичену капусту,
Шатковану и огиркы,
(Хоть се було въ часъ мясопущу,)
Хринь съ квасомъ, редьку, бурякы;
Рябка, тетерю, саламаху,
Якъ не було, — пошлы зъ маху
И вси строшчылы сухари,
Що не було, все позыйидалы,
Горилку всю повышывалы,
Якъ на вечери косари.

Эсей оставивъ изъ носатку
Було горилкы про запасъ,
Но клюкнувъ добре по порядку,
Розщедрывсь якъ бува у насъ,
Хотивъ послѣднимъ подилытись,
Щобъ до кинця уже напытись,
И добре цивкою смыкнувъ;
За нымъ и вся його голота
Тягла, покы була охота,
Що де якый и хвистъ надувъ.

Барыльця, пляшечкы, носатку,
Сулін, тыквы, боклажкы,
Все высушылы безъ остатку,
Посуду потовкли въ шматкы.
Троянцы съ хмелю просышались,
Скучалы, що не похмелялись;
Пишлы щобъ землю озыратъ
Де имъ показано селытись,
Жыть, будоватыся, женитыся,
И щобъ Латынцивъ розпизнать.

Ходымы тамъ, чи не ходымы,
Якъ - ось вернулысь и назадъ,
И чепухы нагородымы,
Що панъ Эней не бувъ и радъ.
Сказалы: люды тутъ бормочуть,
Языкомъ дивнымъ намъ сокочуть,
И мы ихъ мовы не втнемо;
Слова свои на усъ кончають,
Якъ мы що кажемъ имъ — не знаютъ.
Мижъ нымы мы пропадемо.

Эней тутъ заразы взявъ догадку,
Веливъ побигты до дякивъ,
Купыть *Піарскую* граматку,
Полуставцивъ, октонхивъ;
И всіхъ зачавъ самъ мордоваты,
Поверху, по словамъ складаты
Латыньскую тму, мну, здо, тло;
Трояньске племя все засило
Коло кныжокъ, що ажъ потило
И по Латыньскому гуло.

Эней видъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою всихъ прыганявъ;
И хто хотъ трохы линовався,
Тому *субиткы* и дававъ.
За тыждень такъ лащину визналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовляли
И говорылы все на *усъ*:
Энея звали *Энеусомъ*,
Уже не паномъ, — *доминусомъ*,
Себежъ то звали *Троянусъ*.

Эней Троянщивъ похвалывшы,
Що такъ лащину понялы,
Сывушкы въ кубочки налившы
И могорычъ вси запылы.
Потимъ зъ десятокъ що мудрійшыхъ,
Въ лащини що найрозумнійшыхъ,
Зъ ватагы выбравшы якъ-разъ,
Пославъ посламы до Латына
Одъ имени свого и чына,
А съ чымъ пославъ, то давъ приказъ.

Послы прійшовшы до стольици,
Послалы до царя сказать,
Що до його и до царьци
Эней приславъ поклонъ отдать,
И съ хлибомъ, съ силою и съ другымы
Подаркамы предорогымы,
Щобъ познакомытись съ царемъ;
И якъ добьется паньскоѣ ласкы
Эней сподарь и князь Трояньскій,
То прыйде самъ въ царьскый теремъ.

Латыну тилько що сказали,
Що одъ Энея есть послы,
И съ хлибомъ, съ силою причваламы,
Та и подаркы прынесли,
Хотять Латыну поклоньтись,
Знакомытись и подружытись,
Якъ тутъ Латынь и закрычавъ:
«Впусты! я хлиба не цураюсь,
И зъ добрымы людьмы братаюсь.
«Отъ на ловця звирь наскакавъ!»

Веливъ тутъ заразь прыбираты
Свитлыци, сины, двирь месты;
Клечання по двору сажаты,
Шпалеривъ разныхъ нанесты
И выбывать царьскую хату,
Лыбонь поклыкавъ и Амату,
Щобъ и вона дала совить,
Якъ лучше, краще прыбираты,
Де, якъ, коврамы застыматы
И пидбирать до цвиту цвить.

Пославъ гинця до богомаза,
Щобъ мальовання накупить,
И такъ же розного прыпаса,
Щобъ що було и йисть и пить.
Вродылось реньске зъ курдымономъ
И пиво чорнее зъ лымономъ,
Сывушкы же трохы не съ спустъ;
Де не взялись волы, телята,
Бараны, вивци, поросята;
Латынь прыбравсь мовъ на запустъ.

Ось привезлы и мальовання
Роботы первійшыхъ майстривъ,
Царя Гороха пановання,
Патреты всихъ багатыривъ:
Якъ Александръ цареву Порубу
Дававъ и зъ вѣйськомъ добру хлѣбу;
Чернець Мамая якъ побывъ;
Якъ Муромецъ Илья гуляе,
Якъ бѣе Половцивъ, прогання —
Якъ Переяславъ боронивъ;

Бова зъ Полканомъ якъ водывся,
Одинъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловей Харцызъ женився,
Якъ въ Польци Желизнякъ ходывъ.
Патреть, бувъ Француза Картуша,
Противъ його стоявъ Гарькуша,
А Ванька Каинъ въ переди.
И всякихъ всячинъ накупылы,
Вси стины нмы обипылы;
Латынъ дывывсь ихъ красоти!

Латынь такъ дома спорядившы,
Кругомъ все въ хатахъ оглядавъ,
Свителкы, сины обходившы,
Соби уборы добиравъ:
Плащемъ зъ клейонкы обвернувся,
Циновымъ гудземъ застебнувся,
На голову взявъ капелюхъ;
Набувъ на ноги кынди нови
И рукавыщи взявъ шканови,
Надувсь, мовъ на огни лопухъ.

Латынь якъ царъ въ своимъ наряди
Ишовъ въ кругу своихъ вельможъ,
Котори вси булы въ паради,
Надувшись всякый зъ ныхъ якъ йоржъ
Царя на дзыглыкъ посадылы,
А самы мовчкы одступылы
Видъ покутя ажъ до дверей.
Царыця жъ сила на ослони,
Въ едымашковому шушони,
Въ караблыку изъ собомей.

Дочка Лавыся чепуруха
Въ Немецькимъ фуркальци була,
Вертилась якъ въ окропи муха,
Въ верцадло очи все пъяла.
Одъ дзыглыкажъ царя Латына
Скризь прослана була ряднына,
До самой фиртки и ворить;
Стояло вйсько тутъ зальотне,
Волове, кинне и пихотне
И весь бувъ зібраний повить.

Посливъ ввели къ царю съ пыхою,
Якъ водымося у Латынъ;
Несли подаркы предъ собою:
Пыригъ завдовжки и зъ аршынь,
И солы крымкы и бахмуткы,
Лахмиття розного, тры жмуткы,
Эней Латыну що приславъ.
Послы къ Латыну прыступылись,
Тры разы низько поклонылись,
А старшый рацію сказавъ:

«Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
«И славный Троянорумъ князь,
«Шмыглявъ по морю якъ цыганусъ,
«Адъ те о рексъ! приславъ нункъ насъ.
«Рогамусъ доmine Латыне,
«Нехай нашъ капутъ не загыне,
«Пермитте жыть въ земли своей,
«Хоть за пекуніи, хоть гратисъ,
«Мы дяковаты будемъ сатисъ
«Бенефициціи твоей.

«О Рексъ! будь нашимъ Меценатомъ
«И ласкамъ туамъ покажи,
«Энеусу зробыся братомъ,
«О оптиме! не откажи;
«Энеусъ принцепсъ есть моторный,
«Формозусъ, гарный и проворный,
«Побачышь самъ инномине!
«Велы акципере подаркы
«Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,
«Що прислани черезъ мене:

«Се кылымъ самолють чудесный,
«За Хмеля выткався царя,
«Лита пидь облака небесни,
«До мисяця и де зоря;
«Но можна стиль нымъ застылаты
«И передь лижкомъ простылаты
«И тарадайку закрывать.
«Царивни буде винъ въ прыгоду,
«И то найбилшь для того году,
«Якъ замужъ прийдется давать.

«Ось скатерть Шльонская нешпетна,
«Би у Лыпську добулы;
«Найбилше въ тимъ вона прыкметна,
«На стиль якъ тилько настелы
«И загадай якои стравы,
«То всяки вродятся potravы,
«Яки на свити тилько есть:
«Пывце, вынце, медокъ, горилка,
«Рушныкъ, нижъ, ложка и тарилка.
«Царыци мусимъ сю пиднести.

«А се сапьянци самоходы,
«Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
«Въ старынны пошыты годы,
«Не знаю якъ досталысь намъ;
«Лыбонъ досталысь одъ Пендосивъ,
«Що въ Трои намъ утермы носизъ,
«Про те Эней зна молодець;
«Сю вещь, якъ ридку и старыну,
«Пидносымо царю Латыну,
«Съ поклономъ нызыкымъ, на ралець.»

Царьця, царь, дочка Лавына
Зглядалися про мижъ себе,
Изъ рота покотылась слына,
До себе всякый и гребе
Яки досталысь имъ подаркы,
Насылу обійшлось безъ сваркы;
Якъ-ось Латынь сказавъ посламъ:
«Скажите вашему Энею,
«Латынь и зъ цилою симбею,
«Крый Боже, якъ вси рады вамъ.»

«И вся моя маетность рада,
«Що Богъ васъ навернувъ сюды;
«Мни мыла ваша вся громада,
«Я не пушу васъ никуды;
«Прошу Энею поклонятьсясь
«И хлиба, сомы не цуратысь,
«Кусокъ остатній роздилю.
«Дочка у мене одыночка,
«Хазяйка добра, пряха, швачка,
«То може и въ ридню вступлю.»

И заразъ попросивъ до столу
Латынгъ Энеевыхъ бояръ,
Пылы горилку до изволу
И йшлы бублыкы, кавьярь:
Бувъ борщъ до шпундривъ зъ буракамы,
А въ юшци потрухъ зъ галушкамы,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибки баба, шарпанына,
Печена съ часныкомъ свыннына,
Крохналь, якый йидать паны.

Въ обидѣ пылы заморськи вына,
Не можна всихъ ихъ розсказать,
Бо потече изъ рота слына
У де-кого, якъ описатьъ:
Пылы Сыкызку, деренивку
И крымську вкусную дуливу,
Що то айвовкою зовуть.
На *виватъ* — зъ мущыривъ стрілялы,
Тушъ — гримко трубачи игралы,
А *многолитъ* — дякы ревать!

Латынь по царському звичаю
Энею дары отрядывъ:
Лубеньского шмать короваю,
Корыто *Опишнянськихъ* сльивъ,
Орихивъ *Кіевськихъ* смаженихъ,
Полтавськихъ пундыкивъ пряженихъ
И гусячихъ пять кнѣ яецъ;
Рогатого скота зъ *Лыпьянки*,
Сывухы видерь съ пять *Будянки*,
Сто *Решетиливськихъ* овецъ.

Латынь старый и помыгався
Зъ Энеемъ нашимъ молодцемъ,
Эней и зятемъ назывався, —
Но дило красытся кинцемъ!
Эней по щастью безъ помихы,
Вдавався въ жарты, игры, смихы,
А о Юонии и забудь,
Його котора не любыла,
И скризь за нымъ, де бувъ, слыдыла,
Нигде одъ неи не ввыльнувъ.

Ирыса цьохля проклятуца,
Завзятійша одъ всихъ брехухъ,
Олыпська мчалка невсыпуца,
Крыкльвийша изъ щебетухъ;
Прийшла Юонии розказала,
Энея якъ Латынь прыймала,
Який мижъ ными есть укладъ;
Эней за тества мавъ Латына,
А сей Энея, якъ за сына,
И у дочкы зъ Энеемъ ладъ.

«Еге! Юнона закрычала:
«Поганецъ якъ же розибравъ;
«Я парощио йому спускала,
«А винъ и ноги розиклавъ!
«Ого! провчу я высикаку
«И перціо дамъ йому и маку,
«Потямить якова-то я.
«Пролью Троянську кровъ — Латынську,
«Вмишаю Турна скурвасынську,
«Я наварю имъ кисиля.»

И на! черезъ штафетъ къ Плутону
За підписомъ своимъ прыказъ,
Щобъ фурію винъ Тезыфону
Пославъ къ Юнони той же часъ;
Щобъ ни въ берлини, ни въ дормези,
И ни въ ридвани, ни въ портшези,
А биглабъ на перекладныхъ;
Щобъ не було въ пути препоны,
Тобъ заплативъ на *три* прогоны,
Щобъ на Олымгъ вродылась въ мыгъ.

Прыбигла фурія изъ пекла
Яхыднѣйша одъ всихъ видѣомъ,
Зла, хытра, злобная, запекла,
Робыла зъ себе скризъ содомъ.
Ввійшла къ Юнони зъ ревомъ, стукомъ,
Зъ велькымъ трескомъ, свыстомъ, гукомъ,
Зробыла объ соби лепортъ.
Якъ разъ ты взялы гайдуки
И повелы въ теремъ пидъ руки,
Хоть такъ страшна була якъ чортъ.

«Здорова люба, мыла доню,
Юнона въ радощахъ крычыть:
«До мене швыдче Тезыфоню,
И цировать ты бижыть.
«Сидай голубко!— якъ ся маешъ?
«Чи пса Трояньского ты знаешъ?
«Теперь къ Латыну завытавъ,
«И крутыть тамъ, якъ въ Карфагени;
«Достанется дочки и нени,
«Латынь щобъ въ дурни не понавъ.

«Весь знаетъ свить, що я не злобна,
«Людей губыты не люблю;
«Но ричь така богоугодна,
«Колы Энея погублю:
«Зробы ты похоронъ зъ весилля,
«Задай ты добре всимъ похмилля,
«Хоть бы побралы всехъ чорты.
«Амату, Турна и Латына,
«Энея гадового сына,
«Пужны по своему ихъ ты!»

«Я наймычка твоя покорна,
Ревнула Фурія якъ гримъ:
«На всяку хить твою неспорна,
«Сама Троляницивъ всехъ пойимъ;
«Амату съ Турномъ я зъєднаю
«И сымъ Энея укараю,
«Латыну жъ въ тимъ дуръ пуцу;
«Побачать то богы и люде,
«Що зъ сватання добра не буде,
«Всехъ, всехъ въ шматочки потроцу.»

И перекинулась клубочкомъ,
Кить, кить зъ Олыпна якъ стрила;
Якъ йшла черидка вечерочкомъ,
Къ Амати шустъ, — якъ тамъ була!
Смутна Амата пирья драла,
Слизкы роныла и вздыхала,
Що Турнъ князьокъ не буде зять;
Кляла Лавыніи родыны,
Кляла кумивъ, кляла хрыстыны,
Та щожъ? — протывъ рижна не прать.

Яга пидъ пелену підкравшысь,
Гадюкой въ сердце поповзла,
По всіхъ куточкахъ позывавшысь,
Въ Амати рай соби найшла.
Въ отравлену ѣи утробу
Наклала злосты, мовъ бы бобу;
Амата стала не своя;
Сердыта лаяла, крычала,
Себе, Латына прокльїнала
И всимъ давала трышїя.

Потимъ и Турна навистыла,
Пресуча, лютая яга;
И изъ сього князька зробыла
Энею лышнього врага.
Турнъ, по военному звичаю,
Зъ горилкою напившысь чаю,
Сказать по просту, пьяный спавъ;
Яга тихенько підступыла
И люте сныще підпустыла,
Що Турнъ о тимъ не помышлявъ.

Йому, бачъ, сонному верзлося,
Буцимъ Анхызове дытя,
Зъ Лавынією десь зійшлося
И женихалось не шутя:
Буцимъ зъ Лавысей обнимався,
Буцимъ до пазухы добрався,
Буцимъ и перстень зъ пальця знявъ;
Лавыся перше мовъ пручалась,
А послѣ мовъ утамовалась,
И йій буцимъ Эней сказавъ:

«Лавысю мылее кохання!
«Ты бачышъ якъ тебе люблю;
«Но що се наше женыхання,
«Колы тебе на вѣкъ гублю?
«Рутулець Турнъ тебе вже свата,
«За нымъ, бачъ, тягне и Амата,
«И ты въ йому находишъ смакъ.
«До кого хить ты билшу маешъ,
«Скажы, кого зъ насъ выбираешъ?
«Нехай я згыну небораць!» —

«Жывы Энеечку мій мыльй,
Царивна сей дала отвить:
«Для мене завжде Турнъ остымый,
«Очамъ моимъ одынь ты свить!
«Тебе колы я не побачу,
«То день той и годину трачу,
«Мое ты счастья, животы;
«Турнъ швыдче нагле околѣ,
«Нижъ дурень мною завладѣе,
«Я вся твоя, и панъ мій — ты!»

Тутъ Турнъ безъ пам'яты схватывся;
Стоявъ якъ въ землю врытый стовпъ;
Одъ злосты, съ хмелю весь трусывся
И сна одъ яву не росчовпъ:
«Кого?—мене; и хто?—Троянецъ!
«Голякъ, втикачь, прылентачь, ланецъ!
«Звесты?—Лавинію отнять?
«Не князь я!—гирше шмаровоза,
«И дамъ соби уризать носа,
«Колы Эней Латыну зять.

«Лавыся, шмать не для харцыза,
«Якый пройдысвить есть Эней;
«А то,—и ты голубко сыза
«Изгынешь одъ руки моей!
«Я всихъ поставлю вверхъ ногамы,
«Не подарую васъ душамы,
«А билшь Энею докажу.
«Латынаже старого дидя,
«Прыжму незгирше якъ сусида,
«На килъ Амату посажу.»

И заразь лысть пославъ къ Энею,
Щобъ выйшовъ бытысь самъ на самъ,
Помирявсь сылою своею,
Доставъ одъ Турна по усамъ;
Хоть на кін, хоть кулакамы
Поштурхатысь по нидь бокамы,
Або побытысь и на смерть.
А также пхнувъ винъ драгомана
И до Латынського Султана,
Щобъ и сьому мордасы втерть.

Яхыдна фурія раденька,
Що по ти все дило йшло;
До людськихъ бидъ вона швиденька
И горе мыло йій було.
Махнула швидко до Троянцивъ,
Щобъ сыхъ Латынськихъ постоянцивъ
По своему осатанить.
Тогди Троянцы вси съ хортамы
Збиралысь йихать за зайцямы,
Князька свого повеселить.

Но горе гришныкови сущу,
Такъ Кіевскій скубенъ сказавъ:
Благыхъ дилъ вовся неимущу.
Хто Божіи судьбы пизнавъ?
Хто де не дума, — тамъ ноче,
Хотивъ де бигты, — тамъ гальмуе.
Такъ гришнымы судьба вертыть!
Троянцы самы то пизналы,
Зъ малои речи пострадады,
Якъ то чытатель самъ уздрыть.

Поблызь Троянска кочовання
Бувъ на отльоти хуторокъ,
Будо въ нимъ щупле будовання,
Ставокъ бувъ, гребля и садокъ.
Жыла Аматына тамъ нянька,
Не знаю жинка, чи панянка,
А знаю, що була стара,
Скупа, и зла, и воркотуха,
Наушныця и щебетуха,
Давала чынчу до двора:

Ковбасъ десяткѣ съ тры Латыну,
Лавыніи къ Петру мандрыкъ,
Амати въ тыждень по алтыну,
Тры хунты воску на ставныкъ;
Лыняной пряжи тры пивмиткы,
Серпанкивъ висимъ на намиткы
И двисти валяныхъ гнотивъ.
Латынъ одъ нянькы наживався,
Затежъ за няньку и вступався,
За няньку хотъ на нижъ готивъ.

У нянькы бувъ биленькій цуцькы,
Би винъ завжде забавлявъ;
Не дуже простый—родомъ муцькы,
Носывъ поноску, танцьовавъ,
И паніи лызавъ одъ скукы
Частенько ноги скризъ, и руки,
И тименьци выгрызавъ.
Царивна часто зъ нымъ игралась,
Сама царыця любовалась,
А царъ то часто годувавъ.

Троянцы въ роги затрубившы,
Пустымы гончихъ въ чагари,
Кругомъ болото обступившы,
Бычамы ляскалы псари;
Якъ тилько гончи заганылы,
Загавкалы, заскавучалы,
То муцыкъ вырвавшысь на двирь,
На голось гончихъ одизався,
Чмыхнувъ, завывъ, до ныхъ помчався.
Стременный думавъ, що то звирь:

А тю його! гуджга! и крикнувъ,
И зъ своры попускавъ хортивъ;
Тутъ муцыкъ до земли прыльшнувъ
И духъ видъ ляку затаивъ;
Но псы донюхавшысь доспилы,
Шаршулы муцыка, изъйилы
И посмокталы кисточки.
Якъ висть така дойшла до няньки,
То очи выпьяла якъ баньки,
А зъ носа спалы и очкы.

Осатанила вража баба
И крыкнула якъ на живить,
Зробылась заразь дуже слаба,
Холодный показався пить,
Порвалы маточни прыпадкы,
Истерыка и лыхорадки,
И спазмы жылы потяглы;
Пидъ нисъ йій клалы ассафету
И теплую на пупъ сервету,
Ище клистырь зъ ромну дали.

Якъ тилько къ пам'яты вернулась,
То заразь галась пидняла;
До неи челядь вся сунулась
Для дыва, якъ весь свить кляла;
Потимъ схватившы головешку
И выбравшысь на добру стежку,
Чкурнула просто до Троянь;
Вси курины ихъ попальты,
Энея заколотъ, побыты
И всихъ Трояньскихъ бусурманъ.

За нею челядь покотыла,
Схватывыны хто що запоцавъ;
Кухарька чаплію вхопыла,
Лакей тарилкамы шпурлявъ;
Зъ рублемъ тамъ прачка храбрвала,
Зъ дійныцей рычка наступала,
Гуменый зъ ципомъ скрызъ совавъ;
Тутъ рота косаривъ зъ гребцямы
Йшлы бытысь зъ косама, зъ грабляма,
Нихто одъ бою не цуравъ.

Но у Трояньского народу
За шагъ алтына не просы;
Хто Москаля обыйхавъ зъроду?
А займешъ, — ногы уносы.
Завзятого Трояньци кнтальту,
Не струсять ни чійого гвалту
И носа хоть кому утрутъ;
И няньчыну всю рать розбылы,
Скаличылы, распотрошылы
И всіхъ въ тиный загналы куть.

Въ сіе то несчастливѣ время
И въ самый штурхобочный бой,
Трояньске и Латыньске племѣя
Якъ умывалосѣ мазкой;
Прыбигѣ гинецѣ зѣ пысьмомѣ къ Латыну,
Не радостну привизѣ новыну,
Князь Турнѣ йому вѣйну пысавѣ;
Не въ пырь, бачѣ, запрошавѣ напытысѣ,
А въ поле вызывавѣ побытысѣ;
Гинецѣ и на словахѣ додавѣ:

«Царю Латыне неправдыый!
«Ты слово царьскее зламавѣ;
«За те узолѣ дружелюбыый,
«На вики зѣ Турномѣ розирвавѣ.
«Одѣ Турна шматѣ той однимашѣ
«И въ ротѣ Энееви совашѣ,
«Що Турнови самѣ обиравѣ.
«Выходѣ же завтра навкулачки,
«Видтиѣ полизешѣ мабутѣ рачки,
«Бо-дай и лунѣ щобѣ не злызавѣ.»

Не такъ розсердытєя добродій,
Колы панъ возный позовъ дасть;
Не такъ люте голый злодій,
Колы не має що украсть;
Якъ нашъ Латынь тутъ розгнѣвѣся,
И на гиньця сього озмѣся,
Що губы зсерця покусавъ:
И тилько одновидъ мавъ даты
И гнѣвъ царьскый свѣй показаты,
Поселъ щобъ Турнови сказавъ;

Якъ выглянувъ въ викно зъ ненацька,
Прыйшовъ Латынь въ велькій страхъ;
Побачивъ люду скрызъ багацько
По ульцяхъ и всихъ куткахъ.
Латынці перлыся товпами,
Шпурлялы въ гору вси шапкамы,
Крычалы въ голосъ на весь роть:
«Війна! війна! протывъ Троянцѣвъ,
«Мы всихъ Энеевыхъ поганцивъ
«Побьемъ, — искоренимъ ихъ родъ.»

Латынь старый бувъ не рубака
И воюватись не любвиъ,
Одъ слова смерть винъ неборака
Бувъ безъ души, и мовъ неживъ.
Винъ стычку тилько мавъ на лижку,
Амати якъ не гравъ пидъ нижку,
И то тогди, якъ пидтоптавъ;
Безъ тогожъ завжде бувъ тихенькій,
Якъ всякій дидъ старый, слабенькій,
Въ чужее дило не мишавъ.

Латынь и сердцемъ и душею
Далекій бувшы одъ вѣины,
Зибравшысь зъ мудростію своею,
Щобъ не попастись въ кайданы,
Зизвавъ къ соби панивъ вельможныхъ,
Старыхъ, чыновныхъ и заможныхъ,
Которыхъ рады слухавъ самъ;
И vysлавшы геть-пречь Амату,
Завивъ ихъ всихъ въ свою кивнату,
Таку сказавъ ричъ старшынамъ:

«Чи вы одъ чаду, чи зъ похмилля?

«Чи чортъ за душу удрапнувъ?

«Чи напылысь дурного зилля,

«Чи глуздъ за розумъ завернувъ? —

«Скажить? зъ чого вѣйна взялася,

«Зъ чого ся мысль вамъ прыплелася?

«Колы я тишывся вѣйной? —

«Не звирь я — людську кровь пролыты,

«И не харцызь, людей щобъ быты,

«Для мене гыдкій всякій бой.

«И якъ вѣйну весты безъ збруи,

«Безъ вѣйська, хлиба, безъ гармать,

«Безъ грошей? — Головы вы буй!

«Якій васъ обезглуздывъ кать?

«Хто буде зъ васъ провѣянтмейстеръ,

«Або хто буде кригсь-цалмейстеръ,

«Кому казну повирю я?

«Не дуже хочете вы бытысь,

«А тилько хочете нажытысь,

«И буде все беда моя.

«Колы сверблять изъ васъ у кого

«Чи спына, ребра, чи боки;

«На що просыты вамъ чужого?

«Мои вельики кулаки

«Почешутъ ребра вамъ и спыну,

«Колыжъ то мало, я дубыну

«Готовъ на ребрахъ сокрушить.

«Служыть вамъ радъ малахаямы,

«Ризкамы, кнуттямъ и кіямы,

«Щобъ жаръ военный потушить.»

«Покиньтежъ се дурне юнацтво

«И розійдися по домахъ

«Панове выборне боярство;

«А про війну и въ головахъ

«Соби николы не кладите,

«А мовчкы въ запичкахъ сидите,

«Розгадуйте що йисть и пыть.

«Хтожъ о війни проговорытся,

«Або кому війна прыснётся,

«Тому дамъ чортъ зна що робыть.»

Сказавшы се махнувъ рукою
И заразъ самъ пишовъ съ кивнать
Бундючно-гризною ходою,
Що всякый бувъ соби не радъ.
Прыстыжени його вельможи
На йолопивъ булы похожи,
Ни хто зъ усть пары не пустывъ.
Не швидко бидни схаменулись,
И въ ратушъ пидтющемъ сунулись,
Уже якъ вечеръ наступивъ.

Тутъ думу довгую держалы
И всякъ компоновавъ свое,
И въ голосъ гримко закрычалы:
Що на Латына всякъ плюе
И на грозьбу не уважае,
Війну зъ Энеемъ начинае,
Щобъ некруть заразъ набирать;
И не просить щобъ у Латына,
Зъ казны його, а ни алтына,
Боярьски гроши шафовать.

И такъ, Латынь заворушылась,
Задумавъ всякъ побыть Троянь;
Видкиль та храбристь уродылась
Протывъ Энеевыхъ прочанъ?
Вельможи царство збунтовалы,
Протывъ царя всихъ науцалы;
Вельможи! лыхо буде вамъ.
Вельможи! хто царя не слуха,
Такымъ обризать нись и уха
И въ руки всихъ отдать катамъ.

О музо панночко Парнасска!
Спустысь до мене на часокъ;
Нехай твоя научить ласка,
Нехай твій шепчетъ голосокъ,
Латынь къ вѣйни якъ снаряжалась,
Якъ армія ихъ набиралась,
Якый порядокъ въ вѣйську бувъ;
Вси опышы мундыри, збрую
И казку мни скажы такую,
Якой ище ни хто не чувъ.

Бояры въ мыгъ скомпоновалы
На аркушъ манихвестъ кругомъ,
По всихъ повитахъ розислалы,
Щобъ вѣйсько йшло пидъ коруговъ;
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,
А усь въ пивлокоть бы тырчавъ;
Щобъ сала и пшона набрамы,
Щобъ сухаривъ понашикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

Все вѣйсько заразъ роспысалы
По разнымъ сотнямъ, по полкамъ,
Полковныкиѣ понаставлялы,
Далы патенты сотникамъ.
По городамъ всякъ полкъ назвався,
По шанци всякый розлычався,
Впысалы вѣйсько пидъ ранжыръ;
Пошлы сыни всимъ жупаны,
На спидъ же бѣлые каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугыръ.

Въ полкы людей роспредилывшы
И по кватырамъ розвели,
И всихъ въ мундыри нарядывшы,
Къ присязи заразь привели.
На конихъ Сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Кабаку нюхавъ Асауль;
Урядныкы зъ Атаманами
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякый губу дувъ.

Такъ вичной пам'яты бувало
У насъ въ Гетьманщини колысь,
Такъ просто вйсько шыковало,
Не знавши: стій, не шевельсь;
Такъ славные полкы козацкы
Лубенскый, Гадяцкый, Полтавскый
Въ шапкахъ було, якъ макъ цвितуть.
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ митлою все метуть.

Було тутъ вѣйсько волонтеры,
То всякихъ юрбыця людей,
Мовъ Запорожци чупрындыри,
Що ихъ не втне и Асмодей.
Воно такъ, бачышъ, и негарне,
Якъ кажуть то—не регулярне,
Та до вѣйны самый злый гадъ:
Чи вкрасты що, языкъ достаты,
Кого живцемъ, чи обидраты,
Ни сто не вдержитъ ихъ гарматы.

Для сыльной арміи своей,
Рушныцъ, мушкетивъ, оружынь,
Наклады повни гамазен,
Гвинтивокъ, фузій безъ пружынь,
Будымокъ, флынтъ и янычарокъ.
А въ особливый закамарокъ
Спысивъ, пикъ, ратыцъ, гакивныцъ.
Булы тутъ страшныи гарматы,
Одъ выстрилу дрыжалы хаты,
А пушкари, то клалысь ныцъ.

Жлукта и улыкы на пушкы
Робыть галымы назахвать;
Дньща, оснивньщи, ветушкы
На прыналежность прыправлять.
Нужда переминыть законы!
Квачи, помела, макогоны
Въ пушкарьське видомство пишлы;
Колеса, бендюгы и кары
И самыи церковни мары,
Въ депо пушкарьськее тяглы.

Держась военного обряду,
Готовымы задалегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядять.
Для куль — то галушкы сушымы,
А бомбъ — то зъ глыны напымы,
А сльивъ солюныхъ — для картечь;
Для щытивъ ночвы прыпасалы,
И дна изъ дижокъ выбывалы
И прыправлямы всимъ до плечь.

Не малы палашивъ, ни шабель,
У нихъ, бачъ, Тулы не було;
Не шаблею жъ убить и Авель,
Полино смерть йому дало.

Соснови копысткы стругалы
И до бокивъ поначеплялы,
На валяныхъ верьвовочкахъ;
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходють по опенькы,
Булы, мовъ сумы, на плечахъ.

Якъ амуныцю спорядылы,
И насушылы сухаривъ,
На сало кабанивъ набылы,
Взялы подымне одъ дворивъ;
Якъ пидсусидкивъ росписылы
И выборныхъ поназначалы,
Хто тяглый, кинный, хто же пишъ,
За себе хто, хто на пидставу,
Въ якее вѣйсько, сотню, лаву,
Порядокъ якъ завивсь незгиршъ:

Тогди ну вѣйсько муштроваты,
Учыть мушкетный артыкуль,
Впередъ якъ ногу выкыдаты,
Ушкварыть якъ на камавуръ.
Колы шишкомъ — то маршь шульгою,
Колы верхомъ — глядыжь, правою
Щобъ шкапа скочыла впередъ.
Такее ратнее фыглярство
Було у ныхъ за регулярство,
И все Энееви на вредъ.

Мовъ поспольтес рушення
Латына въ царстви началось,
Повсюдна муштра, та учення,
Все за жолнирство прынялось.
Дивкы на прутахъ розъйиждали,
Ципкамы хлопщивъ муштровалы,
Стари жъ учылысь кыдать въ циль.
А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на пичи ихъ штурмовалы,
Бачъ, для баталіи въ прымиръ.

Булы Латынщи дружни люды
И воюватысь малы хить,
Не вси зъ добра, хто одъ причуды,
Щобъ бытыся, то радъ летить.
Зъ горяча часу, перши тры дни,
Зносылы всяке збижжа, злыдни
И отдавалы все на рать:
Посуду, хлибъ, одежу, гроши,
Своей отчизны для сторожи,
Що не було де и дивать.

Се поралася такъ Амата,
Къ вѣйни Латынщивъ пидвела;
Смутна була для неѣ хата,
На улыци все и жыла.
Жинкы зъ Аматою зъєдналысь,
По всьому городу таскалысь
И пидмовлялы воювать.
Робылы зъ Турномъ шуры-муры,
И затылысь, хоть вонъ изъ шкуры,
Энееви дочкы не дать.

Колы жинкы де замишались,
И имъ ворочаты дадутъ;
Колы зъ розказами втаскались,
Та пыхкання ще додадутъ;
Прощайсь на вѣкъ тогди съ порядкомъ,
Пишло все къ чорту неоглядомъ,
Жинкы поставлять на свое,
Жинкы! колыбъ вы билше йшлы,
А меньше пащыковать ушлы,
Булы бъ въ раю вы за сіе.

Якъ Турнѣ биснуется, лютуе,
Въ сусидни царства шле посливъ,
Чи хто изъ нихъ не поратуе
Протывъ Троянскихъ злыхъ сынивъ;
Колы Латынъ, одъ поединкивъ,
Сховавъ пидъ спидъ своихъ будынкивъ
И ждавъ, що буде за кинецъ;
Колы Юнона скризъ литае,
Всихъ на Энея навертае
Весильный збыть зъ його винецъ:

Гуде въ Латїи дзвинь вищовый
И гасло всимъ къ вїйни дае,
Щобъ всякъ Латынецъ бувъ готовый
Къ вїйни, въ яку ихъ злость веде.
Тамъ крыкъ, тутъ галась, тамъ клепаю,
Тиснытся людъ и все трищало.
Вїйна въ кровавыхъ рывахъ тутъ;
За нею раны, смерть, увичча,
Безбожность и безчоловичча,
Хвистъ мантии ти несуть.

Була въ Латїи сынагога,
Збудована за давнихъ литъ
Для Януса сердыта бога,
Который дивныхъ бувъ примить:
Винъ мавъ на голови дви твари,
Чи гарныи булы, чи хари,
Объ тимъ Выргылий самъ мовчыть;
Но въ мырне время зашырався,
Кольжъ изъ храма показався,
Якъ разъ вїйна и запыить.

По дзвону вся Латынь сунула
До храма, съ крыкомъ вси неслись,
И навстяжъ двери одимкнула,
И Янусъ выбигъ якъ харцызь.
Военна буря закрутила,
Латыньське серце замутила,
Завзятость взякого бере;
Війны, війны, крычать, бажають,
Пекельнымъ пламенемъ палають
И молодеє и старе.

Латынці військо хотъ зибрамы,
Та требажъ къ війську должностныхъ,
Якибъ на щотахъ класты зналы,
Яки пысьменнійши изъ ныхъ.
Ужежъ се мусить всякый знаты,
Що військо треба харчоваты,
И воинъ безъ вына — хомбьякъ.
Безъ бытой голои копійкы,
Безъ сей прелестныци злодійкы,
Не можна воювать ни якъ.

Бумы златые дни Астрей
И славный бувъ тогди народъ;
Миняйливъ брамы въ казначей,
А фыгляри пысалы щотъ,
Къ роздачи порци — обтекаръ;
Картюжныкъ, — хлебный добрый пекаръ,
Гевальдыгеромъ, — бувъ шынькаръ,
Вожатымы, — слипци, каликы,
Ораторамы, — недорикы,
Шныгономъ, — зъ церкви паламаръ.

Всього не можна описаты,
Въ Латин що тогди було,
Уже зволялися чытаты,
Що въ голови у нихъ гуло.
Къ війни хваталысь, поспиналысь,
И самы о свити не зналысь,
И все робылы на зворотъ:
Що строить треба, те ламалы,
Що треба кынуть, те ховалы,
Що класть въ кишеню, кламы въ ротъ.

Нехай турбуються Латынці,
Готовляться протывъ Троянъ,
Нехай выдумують гостынці
Энею нашоу въ изъянъ.
Загляньмо Турнъ що коверзуе,
Троянцямъ рать яку готуе,
Бо Турнъ и самъ дзиндзиверь-зухъ!
Колы чи пье—не прольвае,
Колы чи бье—то вже влучае,
Йому людей давить, якъ мухъ!

Тай видно, що небувъ въ зневази;
Бо вси сусидни королькы,
По прозьби, мовъ бы по прыкази,
Позапаляючы люльки,
Пишли въ походъ зъ своимъ народомъ,
Зъ начиннямъ, потрухомъ и плодомъ,
Щобъ Турнови допомагать:
Не дать Энееви женытысь,
Не дать въ Латин поселытысь,
Къ чортамъ Энейцивъ всихъ послать.

Не хмара сонце заступила,
Не вихоръ порохомъ вертѣтъ,
Не галычъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витерь се шумѣтъ:
Се вѣйсько йде всима шляхами,
Се ратне брязкотѣтъ збруями,
Въ *Ардею* городъ поспѣша.
Стовпъ пороху пидъ небо вѣтся,
Сама земля, здається, гнѣтся;
Энею! де теперъ душа?

Мезентій напередъ Тирренскій
Предъ страшнымъ воинствомъ гряде;
Будо полковникъ такъ Лубенскій
Колысь къ Полтави полкъ веде,
Пидъ земляни Полтавскы валы,
(Де Шведы головы поклалы)
Полтаву матушку спасать;
Пропады Шведы тутъ прочвары,
Пропады и валъ, — а булевары
Досталось намъ теперъ топтать.

Арделъ, столицный Рутульскій городъ.

За сымъ на бендюгахъ плетется,
Байстрюкъ *Авентій* попадачъ,
Зъ своею челядью ведется,
Якъ зъ блудолызамы панычъ.
Знакомого винъ пана внучокъ,
Добродій несыкивъ и сучокъ
И лошакивъ минять охочъ.
Авентій бувъ розбійныкъ спупку,
Всихъ тормошывъ, валявъ на купку,
Дывывся бисомъ, гадомъ, сторчъ.

Тутъ вѣйсько киннее валылось
И дуже ручнее було;
Отаманъ звався *Покотылось*,
А Асауль Караснуло.
Се Греческѣе проскиносы,
Изъ Биломорья все пендосы,
Зъ Мореа, Дельта, Кефалось;
Везмы зъ собою лагомыны,
Оливу, мыло, рыжъ, масляны,
И *капама, кебабъ калосъ*.

Авентій рождень отъ жрицы Реи и Геркулеса.

Цекулъ Пренестскій коваленко
Въ Латію зъ вѣйськомъ также пхавсь;
Такъ Сагайдачный съ Дорошенкомъ
Козацкымъ вѣйськомъ вельчавсь.
Одынъ зъ бунчукомъ передъ ратью,
Позади другый пьяну братью
Донскымъ нагаемъ пидганявъ.
Рядочкомъ йихалы гарненько,
Зъ люлюокъ тютюнъ тяглы смачненько,
А хто на коньку кунявъ.

За сымы плентавсь розбышака
Нептунивъ сынъ сподаръ Мезапъ,
До бою бувъ самый собака
И лобомъ бывся такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулачныкъ и рубака
И дужій бувъ зъ його хлопакъ;
Въ выскы було кому якъ вишется,
Той на сухо не отдерется;
Такый Ляхамъ бувъ Желизнякъ.

Цекулъ рождень отъ Вулкана

Другимъ шляхомъ, зъ другого боку,
Агамемноненко Талесъ
Летить, мовъ поспіша до сроку,
Або къ води гарячій несь;
Веде орду велику, многу
Рутульцеви на підпомогу;
Туть людъ бувъ разныхъ языківъ:
Булы Аврунци, Сыдыцяне,
Калесци и Сытыкуляне
И всякихъ, разныхъ козаківъ.

За сымы паньская дитьна
Тезеевичъ панъ Инполить, —
Надута, горда, зла лычына,
Зъ великымъ воинствомъ вальить.
Се бувъ панычъ, хорошій, повный,
Чорнявий, красній, сладкомовный,
Що й мачуху бувъ підкусывъ.
Винъ не дававъ нікому спуску,
Однихъ богынь мавъ на закуску,
Бравъ часто тамъ, де не просить.

Не можна дале-би зличыты
Яки народы тутъ плелысь,
И на папиръ сей положиыты,
Якъ, зъ кымъ, колы, видкымъ взямысь.
Выргылій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья
Поки дрибненько описавъ.
Булы Рутульци и Сиканци,
Аргавци, Лабыкы, Сакранци,
Булы таки, що врагъ ихъ зна.

Тутъ ще найиздныця скакала
И вйсько не мале вела;
Собою всихъ дюдѣй лякала
И все мовъ помеломъ мела;
Ся звалась дива-царь Камылла,
До пупа жинка, тамъ—кобыла,
Кобылячу всю мала стать:
Чотыри ногы, хвистъ зъ прыкладомъ,
Хвостомъ моргала, была задомъ,
Могла и говорить и ржать.

Колы чувавъ хто о Полкани,
То се була його сестра;
Найбилшъ блукалы по Кубани,
А ридъ ихъ выйшовъ съ за Днистра.
Камыла страшна воевныця
И знахурка, и чаривныця
И скоро на бигу була;
Чрезъ горы и ричкы плыгала,
Изъ лука митко въ циль стріляла,
Багацько крови пролыла.

Така-то збирныця валылась,
Энея щобъ побыты въ пухъ;
Уже Юнона де озмылась,
То тамъ запы кришкенько духъ.
Жаль, жаль! Энея неборака,
Колы його на миль, якъ рака,
Зевесъ допустыть посадить.
Чи винъ виньне одъ сей напасты,
Побачымо те въ пьятый часты,
Колы удасться змайстерыть.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

